

Призрачный замок

Мировая классика! Лучшие истории о призраках от мастеров жанра!

Однажды ночью, в канун Рождества, угрюмый Гэбриэл Грабб из «истории о том, как гоблины похитили могильщика» Чарльза Диккенса отправляется рыть очередную могилу. Он даже не подозревает, к чему это приведет. Ведь он повстречает на кладбище подземных духов, которые заставят его посмотреть на мир по-иному... Долгожданному новорожденному пророчат странную судьбу — славу и кровь. Как исполнится это предсказание, повествует «Легенда о святом Юлиане Странноприимце» Гюстава Флобера. Главная героиня рассказа Шарлотты Гилман «Как я была ведьмой», заурядная женщина, вдруг открывает в себе необычные способности.

Окунитесь в атмосферу тайны и мистики, приоткрыв двери в призрачный замок потустороннего мира.

ПРИЗРАЧНИЙ ЗАМОК

Чарльз Диккенс
Артур Конан Дойл
Эдит Несбит
Оскар Уайльд и др.

РАСПАХНИ ВРАТА НЕВЕДОМОГО

ПРИВРАЧНЫЙ ЗАМОК

Чарльз Диккенс
Артур Конан Дойл
Эдит Несбит
Оскар Уайльд и др.

Сборник

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-7896-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с английского, французского и румынского

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

Электронная версия создана по изданию:

Одного разу вночі, напередодні Різдва, похмурий Гебріел Грабб із «Історії про те, як гобліни викрали могильника» Чарльза Діккенса йде рити наступну могилу. Він і гадки не має, до чого це призведе. Адже він зустріне на кладовищі підземних духів, які змусять його подивитися на світ по-іншому... Довгоочікуваному новонародженому пророкують дивну долю — славу та кров. Як справдиться це пророцтво, оповідає «Легенда про святого Юліана Странноприїмця» Гюстава Флобера. Головна героїня оповідання Шарлотти Гілман «Як я була відьмою» пересічна жінка, яка раптом відкриває в собі незвичайні здібності.

Пориньте в атмосферу таємниці та містики, відкривши двері в примарний замок потойбічного світу.

П75 Призрачный замок : сборник / Ч. Диккенс и др. ; сост. Г. Панченко ; пер. с англ., фр., румын. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 640 с.

ISBN 978-617-12-7633-8

Однажды ночью, в канун Рождества, угрюмый Гэбриэл Грабб из «Истории о том, как гоблины похитили могильщика» Чарльза Диккенса отправляется рыть очередную могилу. Он даже не подозревает, к чему это приведет. Ведь он повстречает на кладбище подземных духов, которые заставят его посмотреть на мир по-иному... Долгожданному новорожденному пророчат странную судьбу — славу и кровь. Как исполнится это предсказание, повествует «Легенда о святом Юлиане Странноприимце» Гюстава Флобера. Главная героиня рассказа Шарлотты Гилман «Как я была ведьмой», заурядная женщина, вдруг открывает в себе необычные способности.

Окунитесь в атмосферу тайны и мистики, приоткрыв двери в призрачный замок потустороннего мира.

УДК 821

© Depositphotos.com / davidschrader / jarenwicklund / kolazig / Whitewolf / mumemories / Pixelsnap, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ПРИЗРАКИ И ДЕМОНЫ

Чарльз Диккенс

Диккенс — автор, который не нуждается в представлении. Вспомним только то, что он, помимо множества иных литературных заслуг, утвердил каноническую форму жанра привиденческого рассказа и его особого поджанра — рождественского рассказа. Впрочем, зачастую привиденческий и рождественский рассказы существуют не по отдельности, а вместе, как в «Истории о том, как гоблины похитили могильщика», написанной Диккенсом в 1836 году. По мнению литературоведов, этот рассказ повлиял на написание в 1843 году известной «Рождественской песни», в которой впервые появится дядюшка Скрудж — тогда еще отнюдь не персонаж мультфильма-сериала «Утиные истории». Образ Гэбриэла Грабба, главного героя «Истории о том, как гоблины похитили могильщика», по-видимому, основан на голландской городской легенде о Габриэле де Граафе, злом и жадном могильщике из маленького городка Бронкхорст, которого на Рождество будто бы постигла такая же судьба, как диккенсовского персонажа. Ученые предполагают, что эту легенду Диккенсу мог поведать лично Ханс Кристиан Андерсен.

История о том, как гоблины похитили могильщика

В одном старинном городе, где-то в наших краях, давным-давно, так давно, что историю эту следует считать правдивой, поскольку наши прапрадеды верили в нее безоговорочно, служил при церкви сторожем и могильщиком некий Гэбриэл Грабб¹.

Ежели человек работает могильщиком и постоянно окружен символами человеческой смертности, это вовсе не означает, что он обязательно будет угрюмым меланхоликом. Те, кто нас хоронят, — самые большие весельчаки на свете. Я когда-то имел честь дружить с одним молчальником², который в частной жизни, вне службы, был донельзя смешным и веселым коротышкой и мог прогорланить разудалую песню, ни разу не сбившись, ничуть не хуже, чем опустошить залпом доверху налитый стакан чего-то крепкого. Однако, вопреки этим примерам, которые доказывают противоположное, Гэбриэл Грабб был унылым, одиноким существом со злобным, упрямым и грубым характером. Он ни с кем не водил дружбы, кроме как с самим собой, да еще и со старой плетеной бутылкой, которая хранилась в широком и глубоком кармане его куртки. Встречая на улице веселые лица, он окидывал их столь злобным и неприязненным взглядом, что прохожие не могли не утратить свою веселость и шли дальше уже угнетенные печалью.

Однажды, ранним вечером накануне Рождества, Гэбриэл вскинул на плечо лопату, зажег фонарь и отправился на кладбище, так как ему следовало до завтрашнего утра закончить копать одну могилу. Поскольку он пребывал в весьма дурном настроении, то надеялся, побыстрее взявшись за работу, слегка приободриться. Шагая к кладбищу вверх по улице, густо уставленной старинными домами, он видел сквозь оконные переплеты веселую игру пламени в каминах, слышал громкий смех и жизнерадостные восклицания людей, собравшихся рядом. Гэбриэл замечал хлопотливые приготовления к

завтрашнему празднеству и улавливал разнообразные соблазнительные запахи, которые вырывались облачками пара из кухонных окон. Все это было для Гэбриэла Грабба противнее желчи и горче полыни. Хуже того, из домов то и дело вылетали стайки детишек и мчались через дорогу к домам, находящимся напротив. Прежде чем они успевали постучать в двери, им навстречу выбегали другие кудрявые сорванцы, по полдюжины за раз, и всей гурьбой они заходили в тот или иной дом, чтобы провести праздничный вечер за рождественскими играми. Видя это, Гэбриэл хмуро усмехался и стискивал покрепче черенок лопаты, напоминая себе о кори, скарлатине, чирьях, коклюше и многих других источниках своего утешения.

В таком счастливом расположении духа Гэбриэл двигался дальше, отвечая кратким и мрачным ворчанием на добродушные приветствия соседей, проходивших мимо, пока не свернул на малоосвещенную улочку, которая вела к кладбищу. Гэбриэл так спешил достичь этой улочки, потому что она была, по его мнению, замечательным местом. Эта унылая и погруженная в сумрак улица привлекала горожан разве что при ясном свете дня и под лучами солнца. Поэтому могильщик ужасно возмутился, заслышав в этом святилище, сохранившем название Гробового переуллка со времен, когда здесь сновали еще монахи с выбритыми макушками, обитавшие в аббатстве, легкомысленную песенку о веселом Рождестве, которую распевал чей-то громкий голос. Приблизившись к источнику звука, Гэбриэл обнаружил, что этот голос принадлежит мальчишке, который, по видимому, спешил присоединиться к одной из уличных компаний, а по пути то ли развлечения ради, то ли готовясь к предстоящему празднику орал песню во всю глотку. Гэбриэл подождал, пока малыш подойдет поближе, а потом схватил его, толкнул в угол и пять или шесть раз стукнул по голове фонарем, дабы научить его петь тише. Мальчик вырвался и убежал, держась руками за голову и издавая уже совсем другие звуки, а Гэбриэл Грабб, радостно хихикая, вошел за ограду кладбища и запер за собою калитку. Затем он сбросил куртку, поставил на землю фонарь и, спустившись в недокопанную могилу, трудился час или полтора в свое удовольствие. Однако грунт, скованный морозом, плохо поддавался лопате, и отбрасывать его было трудно. К тому же

хотя месяц и присутствовал на небе, но был слишком юн, чтобы как следует осветить яму, на которую падала тень от церкви.

В другое время подобные препятствия привели бы Гэбриэла Грабба в уныние и он почувствовал бы себя очень несчастным. Однако удовольствие от того, что у него получилось заставить мальчика замолчать, согревало душу могильщика. Его не беспокоило то, что работа продвигалась слишком медленно. Закончив копать поздно ночью, он осмотрел могилу с угрюмым удовлетворением и стал собирать свои вещи, бормоча вот такие стишки:

Славный дом на одного, одного,
Как достигнешь ты конца своего,
Камень под голову, камень в ногах —
Славное место, чтоб спрятать твой прах!
Пять футов земли холодной как лед,
Обед для червей — ты им слаще, чем мед!
Травка вверх, и глина кругом —
Славно поспишь ты на месте святом!

— Ха-ха! — засмеялся Гэбриэл Грабб, присел на плоскую могильную плиту, которая была его любимым местом отдыха, и вытащил из кармана свою бутылку. — Гроб на Рождество! Настоящий рождественский подарок! Хо-хо-хо!

— Хо-хо-хо! — повторил чей-то голос поблизости.

— Это эхо! — сказал Гэбриэл Грабб, снова поднося бутылку к губам.

— Никак НЕТ! — откликнулся низкий голос.

Гэбриэл, слегка встревоженный, замер с бутылкой в поднятой руке и огляделся. На кладбище, озаренном бледным светом луны, было тихо, как на дне самой древней могилы. Холодная изморозь поблескивала на надгробиях и искрилась, словно россыпь самоцветов, на каменной резьбе старой церкви. Снег, плотный и хрусткий, расстился поверх могильных холмиков такой чистой и гладкой пеленой, что казалось, будто покойники лежат прямо под ней, укрытые лишь своими саванами. И малейший шорох не нарушал торжественного покоя этой картины. Казалось, что все звуки замерзли, так тихо и холодно было вокруг.

Гэбриэл вскочил и тут же застыл как вкопанный от ужаса и изумления, поскольку ему в глаза бросилась фигура, при виде которой

кровь похолодела в жилах. Неподалеку от него, на торчащей из земли плите, сидело странное, никогда не виданное им ранее творение. Гэбриэл сразу догадался, что оно не от мира сего. Невероятно длинные ноги существа, вздумай он выпрямиться, протянулись бы по земле, но он подобрал их и скрестил причудливым образом. Жилистые руки чудовища были обнажены, широкие ладони лежали на коленях. Короткое, круглое тельце создания облегалo одеяние, украшенное небольшими прорезями. Спину прикрывал короткий плащ. Воротник, вырезанный причудливыми фестонами, заменял гоблину модную в те времена фрезу³ или шейный платок. На существе были башмаки с длинными загнутыми носками. Широкополая шляпа удивительного существа по форме и размеру напоминала сахарную голову⁴, украшенную единственным пером. На шляпе лежал слой инея. Гоблин выглядел так, будто просидел на этом надгробии, удобно устроившись, лет двести или триста. Он не шевелился, только язык насмешливо высунул. Существо смотрело на Гэбриэла Грабба, ухмыляясь так, как умеют только гоблины.

— Это было НЕ эхо, — сказал гоблин.

Гэбриэл Грабб, утратив дар речи, не смог ничего ответить.

— Что ты делаешь тут в канун Рождества? — строго спросил гоблин.

— Я пришел копать могилу, сэр, — промямлил Гэбриэл Грабб.

— Кто же это шастает по кладбищу среди могил в такую ночь? — вскричал гоблин.

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб! — дико взвыл целый хор голосов, будто грянувший со всех сторон кладбища. Гэбриэл в испуге огляделся снова, но ничего не увидел.

— Что там у тебя в бутылке? — спросил гоблин.

— Голландская водка, сэр, — ответил могильщик, весь дрожа от страха, потому что водку покупал у контрабандистов. Он подумал, уж не принадлежит ли данный гоблин к акцизному ведомству.

— Кто же это хлещет голландскую водку в одиночку на кладбище в такую ночь? — вновь вскричал гоблин.

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб! — ответствовали дикие голоса.

Гоблин окинул уstraшенного могильщика злорадным взглядом и еще громче возопил:

— И кто же в таком случае является нашей честной и законной добычей?

На этот вопрос невидимые голоса отозвались с такой силой, словно огромный хор грянул под могучий гул органа в старинной церкви. Звуки налетели на могильщика с силою ураганного ветра и тотчас угасли вдали, это было повторение уже слышанного:

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб!

Гоблин усмехнулся еще шире прежнего и продолжил:

— Ну, Гэбриэл, что скажешь на это?

Могильщик, задыхаясь, ловил ртом воздух и молчал.

— Что скажешь на это, Гэбриэл? — допытывался гоблин, вскинув ноги над могильной плитой и разглядывая загнутые носки своей обуви с таким самодовольством, как если бы то были наимоднейшие веллингтоновские сапоги⁵, какие только можно найти на Бонд-стрит⁶.

— Это... это все... очень интересно, сэр, — ответил могильщик, полумертвый от страха, — очень интересно и замечательно, но мне бы лучше вернуться и закончить работу, сэр, с вашего позволения...

— Работу! — фыркнул гоблин. — Какую работу?

— Смею напомнить, сэр, могилку... могилы копать моя работа, — запинаясь, пробормотал могильщик.

— Ах да, могилку, вот оно что! — закивал головой гоблин. — Кто же это у нас роет могилы в то время, когда все остальные предаются веселью, да еще и наслаждается этим?

И снова таинственные голоса ответили:

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб!

— Боюсь, что моим друзьям хотелось бы увидеть тебя, Гэбриэл, — сказал гоблин, высунув язык на всю длину — изумительно длинный язык, надо сказать. — Да-да, боюсь, мои друзья хотят тебя видеть, Гэбриэл.

— Будьте милостивы, сэр, — в ужасе взмолился потрясенный могильщик, — зачем же им это хотеть, ежели мы даже не знакомы? Сэр, да ведь эти джентльмены и не видали меня никогда, сэр!

— О нет, очень даже видали, — ответил гоблин. — Мы знаем человека с хмурым лицом и угрюмой миной, который нынче вечером шел по улице, злобно поглядывая на детей и сжимая покрепче свое

орудие для рытья могил. Мы знаем человека, который сам не способен веселиться и которого из-за этого обуревают злобная зависть, который избил ребенка, потому что тот был весел. Мы знаем его, мы хорошо его знаем.

Сказав это, гоблин громко и хрипло расхохотался, и эхо подхватило этот смех, многократно усилив его. Тут гоблин вдруг перевернулся вверх ногами и встал на голову, точнее на кончик своей сахарной шляпы, удерживаясь чрезвычайно ловко на узком торце могильного камня. Еще мгновение — и он, перекувыркнувшись, слетел прямо под ноги могильщику, где и уселся, скрестив ноги, подобно портному на рабочем помосте⁷.

— Из-з-вините, сэр, н-но я д-должен покинуть вас, — проговорил могильщик, пытаясь сдвинуться с места.

— Покинуть нас! — передразнил его гоблин. — Гэбриэл Грабб собирается покинуть нас! Ха! Ха-ха!

Пока гоблин смеялся, могильщик заметил короткую вспышку света в окнах церкви, как будто там вдруг зажгли все свечи. Свет тут же погас, но заиграл орган, и под бодрую мелодию целая толпа гоблинов, как две капли воды похожих на первого, хлынули на кладбище и принялись играть в чехарду на надгробиях, не тратя и минуты на передышку. Они перескакивали один за другим через самые высокие препятствия с поразительной ловкостью. Первый гоблин оказался особо искусным прыгуном — никто из соплеменников сравниться с ним не мог. Как ни был испуган могильщик, он заметил, что этот гоблин предпочитает прыгать через семейные склепы, железные ограды и тому подобное, да так легко, словно это были уличные тумбы, а его приятели довольствовались могильными камнями средних размеров.

Наконец игра достигла наивысшего накала. Орган играл все быстрее и быстрее, гоблины прыгали живее и живее. Они то вытягивались, то сворачивались клубками, то катались по земле, то отскакивали от плит, как мячики. В голове могильщика, наблюдавшего за этой суматохой, все кружилось. Ноги его подергивались сами по себе, когда духи мелькали перед глазами слишком близко. Он и не заметил, как вдруг король гоблинов (а гоблин, разговаривавший с ним, несомненно был

королем) подскочил к нему, ухватил за шиворот — и вместе с ним провалился под землю.

Когда Гэбриэл Грабб сумел перевести дыхание, которое чуть не прервалось при столь стремительном спуске, он обнаружил, что находится в подземелье, похожем на обширную пещеру. Со всех сторон его окружают множество гоблинов, уродливых и угрюмых. Посередине этого пространства было сооружено возвышение, на котором расположился кладбищенский знакомец Гэбриэла. Сам Грабб стоял рядом с ним, не в силах пошевелиться.

— Холодно сегодня, — сказал король гоблинов, — очень холодно. Подать сюда чего-нибудь погорячее!

Повинуясь приказу, с полдюжины услужливых гоблинов, непрерывно улыбаясь, — из чего Гэбриэл Грабб заключил, что это придворные, — поспешно удалились и вскоре вернулись с кубком, полным жидкого пламени, который поднесли королю.

— Ах, хорошо! — воскликнул гоблин, отпив из кубка. Его щеки и глотка стали прозрачными от жара проглоченного пламени. — Эта штука воистину согревает, о да! Принесите-ка полный бокал и для мистера Грабба!

Напрасно несчастный могильщик уверял, что он по ночам ничего горячего не пьет. Один из гоблинов держал беднягу, пока другой вливал пылающую жидкость ему в горло. Остальная компания гоготала и хихикала, глядя, как он давится, кашляет и вытирает слезы, брызжущие из глаз после каждого глотка раскаленного напитка.

— А теперь, — сказал король, как бы невзначай ткнув острым концом своей сахарной шляпы в глаз могильщику и причинив ему острейшую боль, — теперь пора показать этому жалкому и темному существу несколько картин из нашего богатого запаса!

Не успел верховный гоблин договорить, как густая мгла, скрывавшая дальний конец пещеры, стала рассеиваться, открыв картину, видимую как бы с большого расстояния. Это была маленькая, скудно обставленная, но опрятная и чистая комнатка. Вокруг ярко горящего огня собралась кучка маленьких детей. Одни держались за платье матери, другие бегали, играясь, вокруг ее стула. Мать то и дело вставала и отодвигала оконную занавеску, как бы высматривая кого-то долгожданного. Скромное угощение уже было подано на стол, а

простое кресло пододвинуто к огню. Раздался стук в дверь, мать открыла ее, и дети, столпившись вокруг нее, радостно захлопали в ладоши, приветствуя отца. Он вошел весь промокший, усталый и принялся отряхивать снег со своей одежды. Дети усердно помогали ему: забрали плащ, шляпу, трость, перчатки и унесли все это в другую комнату. Потом отец опустился в кресло у огня и позвал детей. Самые маленькие вскарабкались ему на колени, мать села рядом, и они принялись за еду, довольные и счастливые.

Вдруг видение неуловимо изменилось. Теперь была видна тесная спальня, где лежал при смерти ребенок, самый младший и самый милый. Румянец на его щечках увял, и свет в глазах понемногу угасал. И вот могильщик, испытывая чувство, прежде ему неведомое, увидел, как мальчик умер. Сестры и братья, стоявшие у кровати, стали гладить его крошечную ручку, но она была такой холодной и тяжелой, что дети отшатнулись, с испугом глядя на умершего. Как ни безмятежно было личико чудесного ребенка, как ни спокоен был его вроде бы мирный сон, все дети поняли, что он уже ушел от них и стал ангелом, который смотрит на них и благословляет со светлых и счастливых небес.

Снова легкое облачко промелькнуло по картине, и видение сменилось. Отец и мать были уже стары и немощны, и их семейный круг сократился более чем вдвое. Но лица всех присутствующих выражали жизнерадостность и спокойствие, а глаза радостно блестели, когда они вместе сидели у камина, слушая знакомые рассказы о минувших днях.

Мирно и спокойно сошел в могилу отец, а вскоре и та, которая делила с ним все заботы и волнения жизни, последовала за ним в обитель вечного покоя. Те немногие, кто пережил их, преклонили колени у их надгробия и увлажнили зеленую траву слезами, потом поднялись и ушли, молчаливые и печальные, но без надрывных рыданий и отчаянных жалоб, ибо знали, что однажды встретятся с ушедшими. Они возвращались к привычному миру, полному забот, спокойными и безмятежными. Затем снова появилось облачко и скрыло картину от могильщика.

— Итак, что скажешь об ЭТОМ? — спросил гоблин, обратив свое широкое лицо к Гэбриэлу Граббу.

Гэбриэл промямлил что-то в духе того, что это очень красиво, чувствуя себя пристыженным под огненным взглядом гоблина.

— Жалкая ты тварь! — сказал гоблин тоном предельного презрения. — Ах ты!..

Он явно хотел добавить еще несколько слов, но от негодования у него перехватило дыхание, поэтому он просто вытянул свою чрезвычайно гибкую ногу, занес ее над своей головой, чтобы точнее прицелиться, и от всей души пнул Гэбриэла Грабба. И тут же вся свора гоблинов набросилась на злосчастного могильщика и принялась немилосердно пинать его, следуя древнему и неизменному обычаю всех придворных на свете, которые пинают того, кого пинает венценосец, и ласкают того, кого венценосец ласкает.

— Покажите ему что-то еще! — приказал король гоблинов.

На этот раз за облачком открылся прекраснейший яркий пейзаж, такой же и в наши дни можно увидеть в полумиле от старого города. Солнце ярко сияло на ясном голубом небосводе, под его лучами искрилась вода. Деревья казались зеленее, а цветы прекрасней при свете жизнеутверждающего солнца. Вода текла с приятным журчанием, листва шелестела под легким ветерком, птицы распевали на ветвях, и жаворонок, паря в высоте, пел приветственную песнь утру. Да, было утро. Светлое, благоуханное летнее утро. Вся зелень до малейшего листочка, до тоненькой былинки была проникнута ликованием жизни. Муравей приступил к своим повседневным трудам, бабочка порхала, нежась в теплых лучах. Мириады насекомых расправляли прозрачные крылышки, чтобы насладиться пусть коротким, но счастливым существованием. Люди гуляли, восхищаясь красотой мироздания, и все видение было наполнено блеском и великолепием.

— ТЫ — жалкий человечешко! — сказал король гоблинов с еще большим презрением. И снова король соизволил поднять ногу и нанести ею удар по плечу могильщика, и снова придворные гоблины ретиво последовали примеру своего предводителя.

Много раз сгущалось и рассеивалось облачко видений, и много уроков было преподано Гэбриэлу Граббу, который, хотя и терпел ужасную боль в плечах от множественных ударов по ним гоблинских ног, смотрел и смотрел с нарастающим интересом. Он увидел, что

тяжело работающие люди, которые добывают скудное пропитание неустанным трудом, жизнерадостны и счастливы, что прекрасный лик Природы — это неиссякаемый источник радости и веселья даже для самых невежественных простецов. Он узнал, что люди, воспитанные с нежностью и привыкшие к заботе, могут переносить лишения с улыбкой и преодолевать такие страдания, которые сокрушили бы людей куда более жестких, потому что велик запас счастья, спокойствия и мира в их сердцах. Он увидел, что женщины, самые нежные и хрупкие из божьих творений, больше всех способны противостоять несчастьям, горю и отчаянию. Гэбриэл понимал, что они так сильны благодаря неисчерпаемому источнику любви и преданности в их душах. И наконец он увидел, что люди, подобные ему самому, отвратившиеся от радости и жизнелюбия, были гадкими сорняками на прекрасных просторах земли. Сопоставив добро и зло в полном объеме, он пришел к выводу, что наш мир в конечном счете — вполне приличное место для обитания.

Когда вывод этот укрепился в сознании Грабба, облачко, закрывшее последнюю картину, разрослось и окутало его, приглушив все чувства. Убаюканный, он стал засыпать. Гоблины словно растворялись один за другим. Как только исчез последний, могильщик крепко уснул.

Уже забрезжил день, когда Гэбриэл Грабб проснулся на кладбище и обнаружил, что лежит ничком на плоской могильной плите, плетеная бутылка валяется пустая рядом, а его куртка, лопата и фонарь, за ночь покрывшиеся инеем, разбросаны по земле. Надгробие, на котором ночью сидел гoblin, возвышалось прямо перед ним, а могила, которую он копал, виднелась неподалеку. Поначалу могильщик решил, что приключение привиделось ему во сне, но острая боль в плечах, которая возникла при попытке подняться, убедила его, что взбучка, полученная от гоблинов, точно происходила в реальности. Правда, он было испугался снова, не увидев на снегу следов, хотя вчера гоблины так усердно играли в чехарду среди могил, но быстро сообразил, что, будучи духами, они и не могли оставить настоящие отпечатки. Наконец Гэбриэл Грабб, поднявшись с трудом из-за боли в спине, подобрал свою куртку, стряхнул с нее иней, надел ее и обратил свой взор в сторону города.

Однако теперь он стал другим человеком, и ему нестерпимо было думать, что горожане не поверят его преображению и посмеются над его раскаянием. Он почувствовал, что не может вернуться туда, где жил прежде. Еще несколько минут он постоял в нерешительности, а потом, развернувшись, побрел куда глаза глядят, чтобы искать пропитание в других краях.

Фонарь, лопату и бутылку в тот же день нашли на кладбище. Много разных соображений было высказано касательно судьбы могильщика, но вскоре все сошлись во мнениях, что его унесли гоблины. Нашлось немало надежных свидетелей, явственно видевших, как Грабба уносила в воздухе гнедая лошадь, слепая на один глаз, с задними лапами как у льва и медвежьим хвостом. Со временем все неистово уверовали в эту историю, и новый могильщик часто показывал любопытствующим за скромное вознаграждение крупный обломок флюгера, случайно сбитого вышеуказанной лошадью со шпиля церкви в момент взлета, который он лично подобрал на кладбище спустя год или два.

К сожалению, достоверность истории несколько пошатнулась после неожиданного возвращения живого Гэбриэла Грабба лет десять спустя. Он состарился, обнищал, заработал ревматизм, но был доволен жизнью. Подлинную свою историю он поведал священнику и мэру. С течением времени она стала местной легендой и в этом статусе сохранилась до наших дней. Адепты теории флюгера, потерпев моральный урон, все же не сдались и, чтобы вернуть утраченные позиции, стали напускать на себя умный вид, пожимать плечами, потирать лбы и нашептывать, что-де Гэбриэл Грабб попросту выдул всю водку, а потом уснул на могильной плите. Они с жаром объясняли, что под видениями в пещере гоблинов Грабб подразумевал опыт, приобретенный им в годы скитаний по миру и сделавший его мудрее. Однако их убеждения так и не приобрели популярности и постепенно забылись. Но даже будь они правы, — ведь Гэбриэл Грабб действительно страдал ревматизмом до конца своих дней, — из этой истории можно извлечь по меньшей мере такую мораль, за отсутствием лучшей: ежели человек угрюм и пьет в одиночку накануне Рождества, пусть не считает себя лучше других; пусть нельзя

доказать, что духи бывают добрыми и даже что они вообще бывают, как те, которых Гэбриэл Грабб увидел когда-то в пещере гоблинов.

- 1 На английском языке героя рассказа зовут Gabriel Grub. Слово «grub» в английском языке имеет несколько значений — «червяк» и «невежа, грубиян». Мы переводим эту фамилию как Грабб, чтобы избежать совпадения с русскими словами «граб» или «груб». (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)
- 2 «Молчальник» или «немой плакальщик» — неперенный участник погребального ритуала на богатых похоронах Викторианской эпохи. Эти участники траурного шествия мастерски умели поддерживать скорбный вид, производя впечатление «онемевших от горя». Специально подчеркнутое умение такого могильщика лихо опрокидывать стаканчики спиртного связано с тем, что по обычаю на проводах покойника «немых плакальщиков» старались напоить как можно крепче, а для них показателем профессионализма было выпить все предложенное, сумев при этом не нарушить горестного выражения лица и не сбиться с ноги во время погребальной процессии.
- 3 Фреза — круглый воротник из гофрированной и туго накрахмаленной белой ткани; характерная деталь одежды XVI столетия.
- 4 Сахарная голова — коническая форма, в которой отливали и сушили сахар по старинной технологии. «Головы» высотой до 20 и более сантиметров поступали в продажу, завернутые в особую синюю бумагу, а затем раскалывались по мере потребности и продавались на вес кусками.
- 5 Имеются в виду высокие узкие сапоги, введенные в моду в 1-й четверти XIX века знаменитым военачальником, герцогом Веллингтоном. Вскоре они стали основным видом обуви британской знати и зажиточной буржуазии. В наше время «веллингтонами» называют высокие резиновые сапоги.
- 6 Бонд-стрит (*Bond Street*) — улица элитных магазинов, излюбленное место прогулок модников и модниц. Название Бонд-стрит стало нарицательным обозначением последних веяний моды. «Да вы словно с Бонд-стрит!» — звучало как высший комплимент.
- 7 До изобретения швейной машинки портные работали, сидя по-турецки на широком низком столе, приставленном вплотную к окну для лучшего освещения.

Уильям Томас Стед

Уильям Томас Стед (1849—1912) — автор жанра «интервью», известнейший британский журналист, публицист, миротворец, правозащитник, «властитель дум» на протяжении доброй четверти века. Он был неоднозначной личностью: в своей общественной деятельности слишком часто руководствовался постулатом, согласно которому его страна была обязательно неправа независимо от каких-либо обстоятельств. Это поссорило его с Конан Дойлом, который счел (и небезосновательно!), что в ходе Англо-бурской войны Стед превратился в рупор антианглийской и пробурской пропаганды, доходя при этом до прямой клеветы. Их не помирил даже интерес к спиритизму, который у Стёда проявился раньше, чем у Конан Дойла. Данный рассказ, или эссе, представляет собой одну из публикаций 1897 года в основанном им вестнике «Пограничье», который представлял собой, по словам Стёда, «журнал правдивых исследований сверхъестественного».

Уильям Стед как один из наиболее вероятных претендентов на Нобелевскую премию мира 1912 года был приглашен принять участие в Нью-Йоркском мирном конгрессе. Но конгресс прошел без него: Стед отправился в Америку на «Титанике»... Незадолго до катастрофы он рассказывал в пассажирском салоне корабля историю о проклятой мумии из Британского музея. Этот эпизод, сохранившийся в памяти выживших, породил легенду о том, что будто бы мумия находилась на «Титанике», и, дескать, именно она привела к столкновению с айсбергом.

Кроме того, существует легенда, будто Стед сам накликал свою судьбу, написав два рассказа (в 1886 и в 1892 гг.) о кораблекрушениях, якобы точно описывающих гибель «Титаника»... Эти произведения действительно существуют. Правда, один из рассказов скорее посвящен спиритизму, чем катастрофе, и в обоих произведениях обстоятельства кораблекрушения имеют очень отдаленное сходство с тем, что произошло в реальности.

Во время катастрофы у многих людей проявляются худшие черты характера, но Стед, наоборот, проявил лучшие свои качества: он помогал спасать женщин и детей, отдал свой пробковый жилет одному из пассажиров третьего класса...

Многие современники считали, что если бы Стед действительно прибыл на конгресс, там удалось бы разработать международные правила, способные воспрепятствовать Первой мировой войне. Кто знает, возможно, они и были правы.

О домах с привидениями

Дома, где обитают призраки, чем-то неизъяснимо притягивают нас, но можно с уверенностью утверждать, что именно отдаленность и придает им немалую толику этого очарования.

Гораздо увлекательнее разглядывать дом с привидениями снаружи или читать о нем, находясь на расстоянии многих миль, чем проводить бессонные ночи в его стенах. Мне ни разу не выпадало случая ночевать в таком доме, но однажды довелось задремать в руинах заброшенного замка и проснуться, содрогаясь от ужаса, которого я никогда не забуду, покуда жив.

Произошло это в замке Эрмитаж — мрачной древней приграничной крепости, которая стоит в долине Лиддес-дэйл, недалеко от Риккартона, самой, верно, захолустной из железнодорожных станций. В то время, когда я побывал там, мне едва исполнилось двадцать, и голова моя была набита самыми неправдоподобными историями о Шотландской границе. В Эрмитаж я заехал по дороге, совершая паломничество в Брэнксом-холл. Пишу это не для того, чтобы заявить, будто призраки замка Эрмитаж действительно существуют. Но даже если все мне только почудилось, я, так или иначе, получил опыт, позволивший осознать, каково это — оказаться в доме с привидениями.

Замок Эрмитаж, который в дни его расцвета был одной из известнейших приграничных крепостей, и доньше главенствует над всеми замками Шотландской границы.

Проклятый Эрмитаж, и призрачен, и страшен,
Где духи скалятся, дозор свершая свой,
Без отдыха кружа по грешной мостовой,
Пока земля не поглотит вершины башен.

Лорд Сули, злокозненный владелец замка Эрмитаж, заключил сделку с дьяволом: тот, согласно легенде, явился ему в виде духа в красном колпаке, что приобрел свой оттенок, будучи вымоченным в крови

несчастных жертв. Лорд Сули продал демону душу и взамен получил способность призывать своего фамильяра, трижды постучав по крышке железного сундука, — на том лишь условии, что никогда не будет смотреть в его сторону. Однажды лорд Сули все-таки забыл о своем обещании или пренебрег им, и его участь была предрешена. Но даже после этого враг рода человеческого соблюдал букву договора. Нечистые чары защищали лорда Сули от пут и от железа: никакая веревка не могла связать его, и никакая сталь не сумела бы поразить. Когда враги наконец взяли его в плен, было признано необходимым прибегнуть к хитроумному и действенному способу, а именно: завернуть его в лист свинца и сварить до смерти.

Котел водрузили на каменный круг,
На каменный круг, на девять камней,
Потом раскалили котел докрасна,
Латунь засияла солнца ясней.
Злодей завернут был в лист свинца —
Свинцовый саван, бесславный конец,
И тело швырнули в кипящий котел,
Смешав и кости, и плоть, и свинец.

Так было уничтожено тело лорда Сули, но его дух все еще влачит бессмысленное существование. Каждые семь лет он встречается с Красным колпаком на том же месте, где они прежде творили зло:

Еще семь лет проходит, и вот
Слышится жуткий вой,
И вновь открывается тайный ход
В подземный покой колдовской.

Я посетил замок Эрмитаж в одиночку. Моя память была до краев заполнена рассказами о прошлом. В домике смотрителя, что стоял неподалеку, в долине, я получил ключ, которым и отпер дверь. Когда ее петли заскрипели и из руин пахнуло холодом, страх едва не заставил меня остановиться. Но, собравшись с духом, я все-таки вошел и обследовал замок, а после улегся на затянутую мхом скамью и отдался очарованию минувшего. Я провел так, наверно, час или немногим более, когда над головой у меня раздался внезапный вопль, до того долгий и пронзительный, что кровь застыла в жилах. За ним

последовал еще один звук, который я мог сравнить только с топотом множества ног, обутых в железо, по вымощенному камнем коридору. Этого уже было достаточно, чтобы перепугаться не на шутку. Но куда больший ужас я испытал, услышав, как тяжелые створки ворот качнулись с лязгом на своих петлях. В тот миг мне показалось, будто склеп закрылся, погребая меня заживо. Сердце колотилось так, что я почти слышал его стук. И скрип ржавых петель, и лязг ворот, и сам этот шум, тоскливый и замогильный, вогнали меня в такой ужас, что я лежал неподвижно, не осмеливаясь даже шевельнуться, и был способен только трястись мелкой дрожью в ожидании немедленной смерти.

Если бы в ту минуту явился нечистый и отправил меня напрямиком в ад, я счел бы это логичным завершением услышанного. К счастью, ни один посетитель, от которого разило бы серой, не омрачил голубые небеса над моей головой своим непрошеным присутствием. Через некоторое время я немного оправился от испуга и осмелился войти в проем, где гуляло эхо, чтобы выяснить, в самом ли деле я стал узником этих стен. Дверь была захлопнута; и я по сей день помню трепет, охвативший меня, когда я протянул руку и толкнул дверь, проверяя, заперта она или нет. Она подалась: редко мне приходилось испытывать большее облегчение, чем в то мгновение, когда я переступил порог и понял, что снова свободен. Я чувствовал себя спасенным из-под могильной плиты, которая вот-вот должна была накрыть меня. Конечно, оглядываясь назад спустя многие годы, легко утверждать, что все это мне лишь почудилось. Возбужденного воображения, порыва ветра, просвистевшего в щербатой стене, хлопнувшей двери было довольно, чтобы объяснить мой испуг; и тем более не исключено, что я попросту уснул в окружении этих призрачных руин.

Именно так я в ту пору и рассудил, после чего вернулся и провел в замке еще час, стараясь хотя бы убедить себя, что мой страх был не так уж силен. Но ни до, ни после ни один порыв ветра, что проносился, завывая, мимо зубчатых стен, даже близко не походил на тот шум, который так меня напугал. До сих пор, возвращаясь к воспоминаниям, не могу не забавляться при мысли о письме, которое я отправил в то время, пытаясь описать мой ужас. «Все насмехаетесь над суевериями?»

Допустим. Я же рад, что все еще падох на суеверия, поскольку полагал, что цивилизация выдавила из меня эту способность».

Боюсь, некоторые из моих критиков будут склонны отметить, что в этом отношении стоит надавить на меня еще немного.

Фрэнк Ричард Стоктон

Фрэнк Ричард Стоктон (1834—1902) — американский писатель, автор многих иронических рассказов, сказок и нескольких романов (в том числе научно-фантастических, а также посвященных, как сказали бы сейчас, альтернативной истории). Мастер парадоксального сюжета с непредсказуемым финалом.

Любопытно, что сейчас чаще всего переиздаются его литературные сказки, предназначенные для детей: у современников они вызвали отторжение, поскольку Стоктон избегал дидактики, тогда считавшейся в этом жанре обязательной, а сегодняшние читатели благодарны ему именно за это!

Призрак по переводу

У меня имелось много причин любить загородный дом мистера Джона Хинкмена. Это была обитель радушнейшего, хотя порой и несколько внезапного, гостеприимства. Широкие, ровные лужайки раскинулись тут и там, дубы и вязы давали приятную тень; кое-где остались участки леса, а недалеко от дома тек ручей, через который был переброшен грубый мостик — с бревен даже не счистили кору. Еще здесь можно было найти фрукты, цветы, приятных людей, шахматы, бильярд, прогулки и рыбалку. Все это, несомненно, привлекало меня, но этих достоинств было бы недостаточно, чтобы удержать меня здесь надолго. Я был приглашен на все время лова форели, однако, наверное, уехал бы в начале лета, если бы в те прекрасные дни, когда трава сухая, солнце не очень жаркое, а ветер не сильный, под сенью высоких вязов или в небольших рощицах не прогуливалась моя Мэдлин.

На самом деле никакой моей эта дама не была. Она никогда не вручала себя моим заботам, а я никогда не пытался ее заполучить. Однако коль именно ее я счел единственной достойной причиной остаться, в мечтах я звал ее моей. Не исключено, что я мог бы использовать это притяжательное местоимение не только в мечтах, если бы решился рассказать даме о своих чувствах.

Но это было необычайно трудно сделать. Дело не только в том, что я боялся, как боятся все влюбленные, сделать шаг, способный в один миг положить конец сладкой поре, которую можно назвать предрасспросной порой влюбленности, или прекратить всяческое общение с предметом моей страсти. Помимо прочего, я невероятно боялся Джона Хинкмена. Мы с ним были неплохими приятелями, но нужно было быть человеком намного более храбрым, чем тогда был я, чтобы просить его отдать племянницу, занимающуюся делами его дома и, как он неоднократно говорил, служившую ему главной опорой в старости. Если бы удалось убедить Мэдлин желать того же, чего желал я, может, я бы и осмелился открыться мистеру Хинкмену, но,

как уже было сказано, я никогда не спрашивал ее, не захочет ли она быть моей. Я лишь думал обо всем этом днями, а еще более — ночами напролет.

Однажды ночью я лежал без сна на огромной кровати в отведенной мне гигантской комнате, когда вдруг увидел в неверном свете молодой луны, частично освещавшей комнату, Джона Хинкмена. Он стоял у большого кресла возле двери, и это было поразительно по двум причинам. Во-первых, он никогда раньше не заходил в мою комнату, а во-вторых, как раз тем утром он уехал и должен был отсутствовать несколько дней. Именно поэтому я допоздна засиделся с Мэдлин на залитом лунным светом крыльце. Странная фигура совершенно точно принадлежала Джону Хинкмену, и одежда на ней была его обычной одеждой, однако неверные очертания и расплывчатость этой фигуры наконец дали мне понять, что передо мной призрак. Неужели старика убили? И может ли такое быть, что он теперь пришел рассказать мне об этом и попросить позаботиться о его дорогой девочке?.. Сердце мое при этой мысли затрепетало, но как раз в этот момент призрак заговорил.

— Вы не знаете, — спросил он, и на лице его была тревога, — мистер Хинкмен вернется этой ночью?

Я счел за лучшее сохранять внешнее хладнокровие и ответил:

— Мы не ждем его так рано.

— Очень рад это слышать, — сказал призрак, опускаясь в кресло, возле которого стоял. — Я поселился здесь два с половиной года назад, и ни разу с тех пор этот человек не уезжал на целую ночь. Вы не представляете, какое облегчение я испытываю при этой новости.

Говоря все это, он вытянул ноги и откинулся на кресле. Он стал менее расплывчатым, а одеяния стали четче и лучше различимы, а на его лице тревога сменилась облегчением.

— Два с половиной года! — воскликнул я. — Я вас не понимаю.

— Именно столько времени, — подтвердил призрак, — прошло с тех пор, как я впервые явился сюда. Мой случай довольно необычен. Но прежде чем я расскажу эту историю, позвольте мне еще раз спросить вас: вы точно уверены, что мистер Хинкмен этой ночью не вернется?

— Я уверен в этом настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным, — ответил я. — Он сегодня уехал в Бристоль, а до

Бристоля двести миль.

— Тогда я продолжу свой рассказ, — заявил призрак, — потому что меня весьма радует возможность поговорить с кем-либо, кто станет меня слушать. Но если Джон Хинкмен все же вернется и застанет меня здесь, я буду вне себя от испуга.

— Все это очень странно, — сказал я, весьма озадаченный тем, что услышал. — Вы призрак мистера Хинкмена?

Вопрос был дерзкий, но меня настолько переполняли чувства, что на страх уже не оставалось места.

— Да, я его призрак, — отвечал мой собеседник, — и в то же время я не имею права им быть. Это ставит меня в весьма неловкое положение и заставляет так сильно его бояться. Странная история и, уверен, беспрецедентная. Два с половиной года назад в этой самой комнате Джон Хинкмен тяжело болел. В какой-то момент ему было так плохо, что все решили, будто он умер. По этому поводу слишком поспешно было сделано заявление, и я был назначен его призраком. Представьте же мое удивление и мой ужас, сэр, когда я уже занял должность, принял все соответствующие обязательства, и вдруг старик очнулся, пошел на поправку и вскоре полностью выздоровел! Мое положение стало весьма деликатным и невероятно неловким. У меня больше не было возможности вернуться в прежнюю мою бесплотную форму, и вместе с тем не имел я и права оставаться призраком живого человека. Друзья посоветовали мне спокойно ждать, ведь Джон Хинкмен — человек пожилой, так что довольно скоро я смогу по праву занять должность, для которой меня избрали. Но знаете, сэр, этот старик бодр, как никогда, и мне представить страшно, сколько еще это продлится. Я все время занят лишь тем, что бегаю от него. Мне нельзя покидать этот дом, а он, похоже, ходит за мной по пятам. Сэр, я точно вам говорю: он охотится за мной!

— Вот уж воистину поразительная история, — сказал я. — Но почему вы его боитесь? Он ведь ничем не может вам навредить.

— Навредить, конечно, не может, — согласился призрак. — Но сам факт его присутствия шокирует и ужасает меня. Представьте, сэр, как бы вы чувствовали себя на моем месте!

Я никак не мог вообразить такое, так что просто пожал плечами.

— И раз уж приходится быть неправильным призраком, — продолжал мой гость, — намного приятнее оказаться призраком кого-нибудь другого. Мало того что Джон Хинкмен ужасно вспыльчив, он еще и на редкость умеет браниться. Я боюсь представить, что случится, когда он встретит меня и выяснит правду — а это произойдет, я уверен. Я видел, каков он во время вспышек гнева. Хотя он не причинял людям, которые становились объектами этого гнева, больше вреда, чем может причинить мне, но несчастные буквально сжимались перед ним.

Я знал, что он говорит правду. Если бы не это, я, может, был бы более расположен поговорить с мистером Хинкменом о его племяннице.

— Мне очень жаль вас, — сказал я, потому что во мне и вправду проснулось сочувствие к этому незадачливому созданию. — Вы и впрямь в очень сложном положении. Ваша история напоминает мне о людях, у которых есть двойники, и кажется мне, любой был бы очень зол, если бы узнал, что кто-то еще изображает его.

— Нет-нет, это совсем не похоже, — возразил призрак. — Двойник, или доппельгангер, живет на земле вместе с человеком и, будучи в точности таким же, конечно, создает множество проблем. Это очень отличается от моего случая. Я здесь не для того, чтобы жить вместе с мистером Хинкменом. Я здесь для того, чтобы занять его место. И, конечно, он ужасно разозлится, если узнает об этом. Я ведь прав, как вы думаете?

Я поспешно согласился.

— Сейчас, когда он уехал, я могу ненадолго расслабиться, и меня так радует возможность поговорить с вами! Я частенько заходил в вашу комнату и смотрел на вас, спящего, но не осмеливался заговорить из страха, что, если вы ответите, мистер Хинкмен услышит голос и зайдет выяснить, почему вы говорите сами с собой.

— А вас он не услышал бы? — спросил я.

— Нет-нет. Бывает, меня можно увидеть, но никто, кроме того, к кому я обращаюсь, не слышит меня.

— Но почему вы хотели поговорить со мной?

— Потому, — объяснил призрак, — что я люблю иногда разговаривать с людьми, особенно с такими, как вы, столь озабоченными собственными переживаниями, что визит одного из нас

вряд ли напугает их. Кроме того, именно вас я хотел попросить об услуге. Насколько я успел понять, Джон Хинкмен может прожить еще очень долго, и мое положение становится невыносимым. Больше всего я мечтаю о переводе, и, думается, вы можете помочь мне достичь моей цели.

— О переводе? — переспросил я. — Что вы имеете в виду?

— А вот что: раз уж я начал работать на этом поприще, у меня нет выхода, кроме как быть чьим-то призраком, и я хочу стать призраком настоящего мертвеца.

— Надо полагать, это несложно. Постоянно представляются такие возможности.

— О нет, вовсе нет! — быстро возразил призрак. — Вы даже не представляете, какая суматоха поднимается, когда происходит нечто подобное. Как только открывается вакансия, если мне позволено будет так выразиться, немедленно подается гора заявок на занятие должности привидения.

— Я и не думал, что все происходит именно так, — сказал я, искренне заинтересованный. — Но должна же быть какая-то четкая система или, может быть, очередь, в которой можно было бы стоять в ожидании назначения, как посетители парикмахерской ждут, пока освободится мастер.

— Что вы, так совсем не годится! Некоторым из нас тогда пришлось бы ждать вечно. Как только появляется хорошее место, на него сразу набрасывается толпа, хотя, конечно, бывают и должности, которые никого не интересуют. Я слишком поспешил и в итоге оказался в нынешнем неприглядном положении. Так вот, мне кажется, вы могли бы мне помочь. Может, вам известно — или станет известно — о случае, когда вакансия привидения может открыться в любой момент, но пока что этого никто особо не ожидает. Если бы вы дали мне знать о таком месте, я бы мог подать ходатайство о переводе.

— Что вы имеете в виду? Вы что, предлагаете мне совершить самоубийство или убить кого-нибудь ради вас?

— О, что вы, конечно нет! — призрак туманно улыбнулся. — Ничего подобного я не имел в виду. Вообще, конечно, здесь есть влюбленные, за которыми следят с неослабевающим интересом, потому что такие люди в момент отчаяния могут предоставить чудесное место для

привидения — или два места... Но я не думал ни о чем таком применительно к вам. Я хотел всего лишь поговорить с вами в надежде, что вы можете дать мне какую-нибудь полезную информацию; я же в качестве ответной услуги буду рад помочь вам в ваших любовных делах.

— Вы, похоже, уверены, что у меня есть некие любовные дела, — заметил я.

— Ну конечно! — ответил призрак, позевывая. — Я бы не смог пробыть здесь так долго и не узнать обо всем, что происходит вокруг.

Было что-то ужасное в самой мысли, что за нами с Мэдлин следил призрак, наверное, даже тогда, когда мы бродили в роще. Но, в конце концов, этот призрак был особенным, и я не мог выдвинуть ему те претензии, какие обычно предъявляются к подобным ему существам.

— Теперь мне нужно идти, — сказал призрак, поднимаясь, — но я отыщу вас завтра вечером. И помните: вы поможете мне — я помогу вам.

Наутро я какое-то время колебался, стоит ли рассказывать об этом разговоре Мэдлин, но вскоре убедил себя, что лучше помалкивать. Она ведь может уехать, узнав, что в доме призрак. Так что я ни словом не обмолвился о нашей с ним встрече и вел себя так, что могу с уверенностью сказать: Мэдлин ничего не заподозрила. Когда-то я мечтал, чтобы мистер Хинкмен уехал хоть на день. Мне казалось, что тогда я смог бы набраться мужества и поговорить с Мэдлин о возможности нашей дальнейшей совместной жизни. Но вот удобный случай представился, а я никак не мог решиться. А если она откажет? Как я это переживу?

Однако я думал еще о том, что, возможно, она тоже считает это время подходящим для разговора. Она ведь не могла не видеть, что меня наполняют некие чувства, и логично предположить, что хотела так или иначе решить этот вопрос. Но решиться на отчаянный шаг я все еще не мог. Если Мэдлин хотела услышать от меня, что я хочу заполучить ее, ей стоило хотя бы намекнуть, что она готова преподнести мне такой подарок. Если же у меня нет оснований надеяться на такую щедрость с ее стороны, то пусть лучше все остается как есть.

Тем вечером мы с Мэдлин снова сидели на освещенном луной крыльце. Было почти десять вечера, и с самого ужина я уговаривал

себя признаться ей наконец в своих чувствах. До сих пор я еще не ощущал себя готовым это сделать, но намеревался постепенно набраться смелости. Моя собеседница, кажется, понимала, что происходит, — по крайней мере, мне чудилось, что чем ближе я подбираюсь к щекотливой теме, тем больше она жаждет меня выслушать. Это был, конечно, поворотный момент в моей жизни. Если я все же решусь заговорить, это сделает меня либо счастливейшим, либо несчастнейшим человеком на всю оставшуюся жизнь; а если я не решусь, то более чем вероятно, что моя возлюбленная не предоставит мне шанса попробовать еще раз.

Так мы с Мэдлин сидели, ведя неспешную беседу, покуда я напряженно размышлял обо всем этом. И вдруг, подняв взгляд, я увидел давешний призрак менее чем в двенадцати футах от нас. Он сидел на перилах, прислонясь к одному из столбов, поставив одну ногу перед собой прямо на перила и свесив другую. Расположился призрак у Мэдлин за спиной; вышло так, что он был буквально напротив меня — мы с моей возлюбленной сидели лицом к лицу. К счастью, Мэдлин как раз глядела вдаль, а не на меня, потому что вид у меня в этот момент, наверное, был впечатляющий. Призрак, конечно, говорил, что найдет меня этим вечером, но мне в голову не могло прийти, что он появится, когда я буду с Мэдлин! Если она увидит призрак собственного дяди... Нет, я не мог даже представить, что случится. Я сдержал вскрик, но призрак сразу заметил мою встревоженность.

— Не бойтесь, — сказал он, — я не позволю ей себя увидеть, а моего голоса она не услышит, пока я не заговорю с ней напрямую, чего я делать не собираюсь.

Полагаю, в моем взгляде отразилась благодарность.

— Так что об этом не стоит беспокоиться, — продолжал призрак, — но я смотрю, вы не очень продвинулись в своих любовных делах. На вашем месте я не тянул бы и поговорил с ней прямо сейчас. Лучшего шанса вам не представится. Здесь вас никто не прервет; кроме того, насколько я могу судить, ваша дама готова выслушать вас благосклонно — если, конечно, вообще захочет слушать. Неизвестно, когда Джон Хинкмен решит уехать в следующий раз, и уж точно сие радостное событие произойдет не этим летом. На вашем месте я бы никогда не решился ворковать с племянницей Хинкмена, если он

находится где-то поблизости. Если он застанет кого-либо объясняющимся в любви мисс Мэдлин, стычка будет ужасной.

Я был полностью с ним согласен.

— Боюсь даже думать о нем! — воскликнул я.

— О ком? — спросила Мэдлин, быстро разворачиваясь ко мне.

Положение было весьма нелепым. Долгая беседа с призраком, которого я слышал отлично, а Мэдлин не замечала вовсе, заставила меня забытья.

Следовало объясниться как можно скорее. Разумеется, признаваться, что я говорил о ее драгоценном дядюшке, не стоило, так что я поспешно назвал первое пришедшее в голову имя.

— О мистере Виларсе, — сказал я.

Это даже не было ложью, ведь мне противна была любая мысль об этом типе, который расточал бесконечные любезности в отношении Мэдлин.

— Вы зря так говорите о нем, — возразила она. — Он исключительно образованный и здравомыслящий молодой человек с отличными манерами. Этой осенью его, скорее всего, изберут в парламент, и я не удивлюсь, если он там будет иметь успех. Ведь когда мистеру Виларсу есть что сказать, он всегда точно знает, как и когда это сделать.

Эти слова были сказаны спокойно, без всякого негодования, весьма естественно. Но ведь если Мэдлин была хоть немного благосклонна ко мне, ей вряд ли могло не понравиться, что я плохо отношусь к своему возможному сопернику. А в последних словах уж точно содержался намек, который невозможно было не понять: окажись мистер Виларс на моем месте, он бы не стал тянуть с объяснением.

— Я знаю, что дурно так думать о человеке, — сказал я, — но не могу ничего с этим поделать.

Она не стала меня бранить, и, кажется, ее настроение даже улучшилось. Я же был недоволен, потому что не хотел признавать, что мысли о мистере Виларсе вообще приходили мне в голову.

— Не стоит разговаривать вслух, — сказал призрак, — иначе можете оказаться в сложном положении. Я просто хочу убедиться, что у вас все хорошо, ведь тогда, возможно, вы будете склонны помочь мне,

особенно если мне удастся пригодиться вам, что я и собираюсь сделать при случае.

Я очень хотел сказать ему, что он бы весьма помог мне, уйдя подальше. Объясняться в любви молодой девушке, когда на перилах рядом с вами сидит призрак ее дяди, наводящего на вас страх, очень трудно, если вообще возможно. Однако я сдержался, хоть и с трудом.

— Полагаю, — продолжал тем временем призрак, — вы не слышали ничего, что могло бы быть мне полезно. Конечно, я очень жду добрых вестей, но, если вам есть что мне сказать, я могу подождать, пока вы останетесь один. Я зайду в вашу комнату ночью или могу побыть здесь, пока дама не уйдет.

— Вам не стоит ждать, — сказал я, — мне вовсе нечего вам сказать.

Мэдлин вскочила на ноги, щеки ее заалели, глаза засверкали.

— Погодите-ка! — вскричала она. — Чего, вы думаете, я жду? Нечего сказать мне, в самом деле! Ну конечно! А что вы должны были мне сказать?

— Мэдлин, — воскликнул я, — позвольте мне объясниться!

Но она ушла. Весь мой мир был разрушен! Я в ярости посмотрел на призрака.

— Гнусное создание! — закричал я. — Вы все испортили! Вы навеки погрузили мою жизнь во тьму. Если бы не вы...

Мой голос дрогнул. Больше я не мог вымолвить ни слова.

— Вы зря меня обвиняете, — возразил призрак. — Я ничего дурного вам не сделал. Я пытался лишь ободрить вас и помочь, и только вы виноваты в том, что совершили этот промах. Но не отчаивайтесь. Такие ошибки, как эта, можно объяснить. Мужайтесь и прощайте.

И он исчез, словно над перилами лопнул мыльный пузырь.

Я поплелся в постель, но никаких видений в ту ночь у меня не было, помимо порождаемых моими мыслями видений моей дальнейшей жалкой, полной отчаяния жизни. Мои слова прозвучали для Мэдлин ужасным оскорблением. Конечно, она могла вложить в них лишь один смысл.

И главное, никак невозможно было объяснить мое восклицание. Я лежал в постели и снова и снова думал об этом, но понял лишь, что никогда не смогу рассказать Мэдлин правду. Лучше я буду всю жизнь страдать, чем она узнает, что призрак ее дяди разгуливает по дому.

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ